

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

К 200-летию
Азиатского Музея —
Института восточных
рукописей РАН

Наука — Восточная литература
2016

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

1 (24)
ВЕСНА
2016

Журнал основан в 2004 году

Выходит 4 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- Сборник заклинаний-*дхарани* из Хара-Хото в Сериндийском фонде ИВР РАН. Предисловие, транслитерация, примечания
С.Х. Шахмадова 5
- И.В. Богданов*. Надпись *dʒtj/kz.j-nfr(.j)* в Вади Хаммамат 25

ИССЛЕДОВАНИЯ

- А.Г. Грушевой*. Арабы-христиане Палестины и Сирии в изображении должностных лиц Императорского Православного Палестинского общества рубежа XIX–XX вв. 64

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- М.М. Юнусов*. Из истории дешифровки западно-семитского письма: события и люди. IV. В поисках пальмирских текстов: первые европейские путешественники в Тадморе 78

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

- Ю.А. Иоаннесян*. Ценные находки рукописей священных текстов бабизма и религии бахаи в собраниях Санкт-Петербурга 97

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- И.В. Богданов, М.А. Редина-Томас*. Государство и международные отношения на Древнем Востоке. Конференция памяти В.А. Якобсона (Санкт-Петербург, 23–24 сентября 2015 г.) 107
- В.В. Щепкин* Международный семинар к 150-летию Д.М. Позднеева «История российско-японских отношений: источники, коллекции, проблемы изучения» (Санкт-Петербург, 19 ноября 2015 г.) 112

Издание осуществлено
при поддержке
Ассоциации выпускников
Санкт-Петербургского
государственного университета

Т.В. Ермакова, Е.П. Островская. Девятые Всероссийские
востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга (Санкт-
Петербург, 23–24 ноября 2015 г.) 114

Т.А. Пан. Дальневосточный семинар Отдела Дальнего
Востока ИВР РАН в 2014–2015 гг. 120

РЕЦЕНЗИИ

Jacob P. Dalton. The Taming of the Demons. Violence and
Liberation in Tibetan Buddhism. — New Haven; London:
Yale University Press, 2011. — 311 p. (*А.В. Зорин*) 123

Catalogue of Japanese Manuscripts and Rare Books. Merete
Pedersen // The Royal Library, Copenhagen, Denmark.
Catalogue of Oriental manuscripts, Xylographs, etc.
in Danish Collections (COMDC). Volume 10.1. — Nordic
Institute of Asian studies. — 446 p. (*К.Г. Маранджян*) 125

Топоров В.Н. Пиндар и Ригведа: Гимны Пиндара
и ведийские гимны как основа реконструкции
индоевропейской гимновой традиции. — М.:
РГГУ, 2012. — 216 с. (*С.Л. Бурмистров*) 127

Эпистолярное наследие казахской правящей элиты
1675–1821 годов / Введ., биогр., коммент., сост. и ред.
И.В. Ерофеевой. Т. I. Письма казахских правителей.
1675–1780 гг. — 696 с.; т. II. Письма казахских
правителей. 1738–1821 гг. — 1032 с. — Алматы:
АО «АБДИ Компани», 2014. (*Р.Ю. Почкаев*) 131

На четвертой стороне обложки:
Лист 1 «Махапраджняпарамита хридая-сутры»
(«Божэ боломидо синь цзин») из коллекции
ИВР РАН (китайский фонд Nova, шифр Н 56)

Над номером работали:

Т.А. Аникеева
А.А. Ковалев
О.В. Мажидова
М.А. Унке
О.В. Волкова
Н.Н. Щигорева
Е.А. Пронина

Dalton J.P. The Taming of the Demons. Violence and Liberation in Tibetan Buddhism. — New Haven; London: Yale University Press, 2011. — 311 p.

Книгу известного американского специалиста по тибетским рукописям из Дуньхуана Джейкоба П. Дэлтона «Укрощение демонов. Насилие и освобождение в тибетском буддизме» можно отнести к числу наиболее важных и ценных работ в области тибетологии, вышедших за последние годы. В определенной степени эта книга подводит концептуальный итог исследованиям различных авторов, так или иначе связанным с темой «сострада-тельного насилия» в тибетском буддизме.

За этим внешне оксюморонным термином скрывается представление о том, что буддийские йогины с помощью особых, «яростных» ритуальных практик могут направлять грозных Защитников Учения (дхармапал), таких как Махакала, Пэлдэн-лхамо, Дхармараджа и др., на подавление врагов буддизма с целью «освобождения» последних от текущей жизни, в которой ими накапливается исключительно дурная карма, для скорейшего обретения более благого рождения. Нередко эти практики трактуются в символическом ключе — утверждается, что под врагами здесь понимаются не реальные люди, а некие вредоносные демоны или внутренние препятствия йогина. Между тем даже в сравнительно недавней истории Тибета известны случаи, когда такие ритуалы проводились с конкретной целью подавления врагов Тибета и тибетской религии.

Исследование Дж. Дэлтона, основанное на изучении некоторых древних тантрических текстов, найденных в дуньхуанской библиотеке и относящихся к «темному периоду» тибетской истории после распада мощного централизованного государства и деинституализации буддийской сангхи в Тибете (IX–X вв.), раскрывает несколько пугающие воз-

можности реального применения подобных практик в условиях государственной и религиозной фрагментации и невротизирующее воздействие, которое рефлексия на эти практики оказала на тибетское национальное самовосприятие. Образы тибетцев как глубоко порочных дикарей, потомков горной демоницы и царя обезьян, и самого Тибета как земли, персонифицируемой в демоническом облике, по мнению ученого, уходят корнями именно в эту проблематику. Впоследствии по мере «окультуривания» Тибета демоническая роль стала отводиться жителям пограничных территорий, откуда на протяжении многих веков то и дело возникала угроза тибетской безопасности. Вплоть до середины XX в. ритуальные практики, связанные с концепцией «сострада-тельного насилия», доказывали свою эффективность в глазах правящих элит Тибета.

Книга состоит из Введения, семи глав и приложений с переводами текстов с тибетского языка.

Во Введении заявляется связь буддийского мифа о том, как Ваджрапани подчинил демона Рудру, с ритуалами «освобождения» как своего рода теоретического обоснования с практической реализацией идеи «сострада-тельного насилия». Наиболее пространная версия мифа о подчинении Рудры, содержащаяся в тантрическом тексте IX в. «*Самаджавидья-сутре», представлена в приложении в переводе Дж. Дэлтона.

Глава I «Зло и неведение в тантрическом буддизме» содержит емкий исторический обзор темы отношения к насилию в индийском буддизме и вскрывает проблему трудноуловимого отличия праведного, оправданного этически, полезного для наказуемого насилия, воплощенного в образе Ваджрапани, от насилия как проявления злого, темного, демонического начала, воплощенного в образе Рудры. В рамках буддийского учения, провозглашающего любовь и ненасилие своими фундаментальными принципами, оказывается

возможным надление пробужденных существ, вышедших из сансары, правом на физическое подавление и даже убийство врагов Учения. Проблема состоит в том, что внешне между грозным Ваджрапани и демоническим Рудрой обычному существу невозможно увидеть разницу. Ваджрапани и Рудра, как нирвана и сансара, идентичны и в то же время антагонистичны друг другу.

В главе 2 «Демоны во тьме» рассматривается «темный период» истории Тибета (автор считает более обоснованным другое его обозначение — «период фрагментации») как время подлинного проникновения буддизма во все слои тибетского общества (в отличие от предыдущего периода, когда буддизм оставался религией меньшинства — части правящей элиты и небольшой прослойки монахов). Это всеобъемлющее проникновение было достигнуто прежде всего за счет популярности тантрических практик, ряд из которых впоследствии был не только отвергнут вновь утвержденными монашескими институтами, но и интерпретирован как свидетельство дикости, свирепости, темноты, якобы присущих этому периоду. Однако новое торжество институционального буддизма, по мнению автора, было бы невозможно без этого этапа.

Глава 3 «Буддийский ритуал с человеческим жертвоприношением?» содержит анализ дунхуанского текста, описывающего «яростный» ритуал в таких терминах, которые автор книги считает относящимися не к символическому изображению врага (тиб. *линга*), но к реальному человеку. Этот текст ныне представлен тремя фрагментами: начало и конец хранятся в Британской библиотеке, середина — в Национальной библиотеке Франции. В книге Дж. Дэлтона содержатся транслитерация текста и его полный перевод. Исследователь доказывает, что его трактовка текста как описания человеческого жертвоприношения подтверждается другими древними тибетскими свидетельствами (отчетливо негативными) о существовании таких практик.

В главе 4 «Жертвоприношение и Закон» рассматривается главное такое свидетельство, а именно эдикт Еше-о, правителя западнотибетского царства Гугэ, в котором он клеймил различные искаженные практики и злоупотребления со стороны тибетских тантриков — зачастую реальных властителей отдельных местностей. Автор книги трактует этот эдикт как попытку Еше-о утвердить свою власть, распространив авторитет вводимых им зако-

нов на политически фрагментированной территории, где его объективными конкурентами выступали местные религиозные лидеры. Искоренение реальных жертвоприношений и замена их ритуалами с использованием символов-заместителей, в сущности, предстают как борьба за право на насилие, которое государство всегда стремится зарезервировать за собой.

В главе 5 «Подчинение территории» рассматривается знаменитое изображение Тибета в виде демоницы, словно пришпиленной к земле буддийскими храмами, как аллегорическое изображение самих тибетцев, якобы диких и необузданных по природе, что проявилось в «темный период» в виде ритуальной распущенности и прочих искажений чистой буддийской религии. Строительство монастырей и храмов предстает способом покорения территории, населенной «демонами». Однако за этой картиной скрываются победоносный реванш буддийских институтов и насильственное навязывание тибетцам новой, приниженной самоидентификации.

Глава 6 «Буддийский способ войны» кратко касается последующей истории Тибета: уже в XIV в. тибетцы мыслят свою страну как центр буддизма, на границах которого возникла монгольская угроза, будто бы успешно нейтрализованная с помощью ритуальных практик; в дальнейшем, к XVI–XVII вв., их применение в функции «военной магии» стало неотъемлемой частью тибетской политики.

Глава 7 «Заключение: насилые в отражении зеркал» развивает заявленную во Введении параллель между двумя интеллектуалами, европейским миссионером Л.О. Уодделем и тибетским ламой из школы ньингма Рикцзин Гарвангом, которые примерно в одно и то же время (конец XIX в.) рассуждали о некоторых «темных» сторонах тибетской культуры. Автор, разумеется, оговаривается, что Рикцзин Гарванг, хотя и мог бы, пожалуй, признать некоторые обвинения со стороны европейца справедливыми, фундаментально иначе относился к теме насилия, вере в существование демонических сил, соответствующим ритуалам и т.д. Если Уоддел как протестантский миссионер считал всю тибетскую религию дикой фантазией, погружающей тибетский народ в омут поклонения демонам, то Рикцзин Гарванг как буддийский миссионер в одном из отдаленных пограничных районов провинции Кам, незадолго до того принявшем буддизм в его институциональной фор-

ме, пытался привить в этих местах отторжение от практиковавшихся там кровавых жертвоприношений. Автор показывает, что для тибетской религиозной элиты, оказавшейся перед страшными испытаниями XX в. практически беззащитной, вся пограничная зона представляла дикой, демонической территорией, требовавшей подчинения. Однако если с архаическими верованиями буддийские проповедники могли в определенной степени справиться, то с «красной угрозой», о которой Далай-лама XIII перед смертью предупреждал своих соотечественников в тревожных пророческих тонах, никакими ритуальными практиками совладать оказалось невозможно.

Если и можно предъявить к книге Дж. Дэлтона какие-либо претензии, то только в отношении последней главы, конкретнее — к внешне эффектной параллели между тибетским ламой и европейским миссионером. На мой взгляд, она является избыточной, если не уводящей в сторону. Как очень многие свидетельства европейцев, представителей другой религии и (в то время) принципиально другой цивилизации, о жителях и культурах «экзотического Востока» (даже если они имели к ним научный интерес), это *случайное*, поверхностное свидетельство. Поставленное напротив свидетельства коренного, внутреннего, оно создает с ним систему зеркал (что подчеркнуто автором в названии главы), в которой тема «со-страдательного насилия» поневоле обретает отчетливо негативное звучание. На мой взгляд, это идет несколько вразрез с общей отстраненно-объективной линией книги — безупречной с научной точки зрения. Прекрасно написанная, превосходно структурированная, она впервые на высоком теоретическом уровне описывает реальное место темы насилия в тибетском буддизме как формообразующего фактора культуры и политики в историческом развитии.

А.В. Зорин

Catalogue of Japanese Manuscripts and Rare Books. Merete Pedersen // The Royal Library, Copenhagen, Denmark. Catalogue of Oriental Manuscripts, Xylographs, etc. in Danish Collections (COMDC). Vol. 10.1. — Nordic Institute of Asian Studies. — 446 p. ISBN: 978-87-7694-147-5

Крупнейшая в Скандинавии Королевская библиотека Дании выпустила очередной, десятый том из серии «Каталоги восточных

рукописей и ксилографов в датских коллекциях» — «Каталог японских рукописей и редких книг», подготовленный сотрудницей библиотеки М. Педерсен. Роскошная, альбомного формата книга с великолепными полностраничными иллюстрациями и подробными характеристиками каждого из 152 наименований, представленных в этом издании, производит впечатление солидного научного труда, изданного с учетом всех самых взыскательных требований.

Большая часть ранних японских книг в коллекции датируется эпохой Токугава (1603–1867), а точнее, периодом второй половины XVIII — середины XIX в. Издания до 1603 г. представлены лишь несколькими фрагментами буддийских сутр. В то же время в библиотеке имеется много изданий, выпущенных после 1868 г., однако в каталог вошли только серии гравюр, традиционных ксилографов, фотоальбомы и некоторые книги, созданные при помощи подвижного металлического шрифта. Как подчеркивает автор каталога, это было сделано для того, чтобы «проиллюстрировать постепенное развитие и трансформацию традиционного книгоиздания в современную книжную печать» (с. XI).

Большая часть коллекции была приобретена в конце XIX — начале XX в. (об этом свидетельствуют экслибрисы) — время, когда японская традиционная книга хлынула на международный рынок. Многие книги были приобретены при посредничестве французского дилера. Тем не менее в каталоге встречаются экземпляры, купленные или полученные в дар уже в последние десятилетия.

В подробном вступлении к каталогу приводятся сведения о коллекции, ее формировании, жанровом разнообразии. И здесь называется первая особенность этой книги: в отличие от авторов многих других каталогов, М. Петерсен предлагает идти не от имеющегося в наличии материала, а напротив, от многообразия видов и жанров книги, отмечая, что в коллекции представлено, а что нет. Впрочем, в самом корпусе каталога этот принцип отходит на второй план, поскольку внимание сосредоточено на каждом конкретном экземпляре. Однако автор, как мне кажется, не случайно подчеркивает важность процесса эволюции японской книги, или, говоря точнее, ее форматов. В этом каталоге акцент сделан именно на формате книг, когда жанровые особенности требовали своего особого способа оформления.